

МАЙЯ ГРИН

Тайная музыка

У каждого в Янтарном есть тайна.

Майя Грин

Тайная музыка

«Автор»

2026

Грин М.

Тайная музыка / М. Грин — «Автор», 2026

Вероятность того, что они бы поженились, — 0,000... Ну вы поняли. Брак по распределению — другое дело. Закон требует, и Марк, глава сыскного отдела, женится на Лире, скромном библиотекаре. Лира боится, что муж запретит ей помогать беспризорникам, а Марк надеется, что жена не будет требовать внимания. У него есть заботы поважнее: местный вор, который три года водит его за нос, и контрабанда магонита. Карьера рушится. Ему не до жены. Их брак — формальность, но в Янтарном у каждого свои тайны. И у этой парочки — самая большая. Первая книга трилогии.

© Грин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	14
Глава 4.	19
Глава 5.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тайная музыка

Глава 1.

Проныра.

Сигнализация всё-таки взвыла. Проныра зашипела, ловким движением захлопнула дверцу сейфа и сунула трофей во внутренний карман.

По лестнице уже грохотали тяжёлые ботинки охраны. Их нанял приезжий толстосум для защиты своих артефактов. Опасался не зря — кое-что пропало. Пусть скажет спасибо, что у неё принципы: брать только то, что заказали.

Охрана должна была вломиться секунд через десять. Проныра метнулась к окну, распахнула его пошире и, глянув вниз, прыгнула. Ветер свистнул, взметнув плащ за спиной. Ноги пружинисто согнулись, гася удар. Прохладный ночной воздух пах морем и мокрой землёй.

Сверху, из распахнутого окна, раздался крик:

— Уходит! Твою мать, быстро к воротам! Если не поймаем, хозяин убьёт!

Секунда передышки закончилась. Оригинальный выбор маршрута позволил выиграть несколько мгновений. Теперь — скорее вдоль стены к доске забора, держащейся на одном гвозде. Позади раздался глухой звук: один из охранников спрыгнул следом. Проныра отодвинула доску, шмыгнула боком в щель и со всех ног полетела по улице.

Охранник попробовал повторить манёвр, но не вышло. Тогда он крикнул напарнику, который был почти у ворот:

— Слишком узко! Догоняй. Следи за крышами — этот парень слишком ловкий!

Она мысленно похвалила: «Сообразительный, впрочем, со мной по знанию города не сравнишься». Через два дома, свернув направо, Проныра метнулась к стене. Пальцы нашли почти незаметные для обычного взгляда выступы. Раз, два — и она уже на крыше. Быстро оглянулась. Преследователь проскочил поворот, но сориентировался и вернулся. Он рывком сорвал подвешенную на крюках лестницу и приставил её к стене.

— Уйдёт же! Быстрее! — донёсся крик от ворот, и по дороге затопали ботинки.

Попадаться в её планы не входило. Она поспешно перескочила на соседнюю крышу, чуть не упала, заскользив по мокрой черепице; вдобавок плащ зацепился за торчащий гвоздь. Она чертыхнулась, увидев макушку поднимающегося охранника.

— Стой, гадёныш!

Проныре пришлось дёрнуть, оставив на гвозде клочок ткани, и делать ноги. Она спрыгнула вниз и юркнула в проход между двумя зданиями, стоящими почти вплотную. Для мужских плеч там было слишком узко, а она боком проскочила.

Сзади слышалось пыхтение:

— Да чтоб тебя!

— Где он?

— В щель эту юркнул... не пролезу.

— Обходи справа, а я через двор. Давай, шевелись!

Проныра нырнула в лабиринт знакомых с детства кривых улочек, некоторое время попетляла, пока не убедилась, что хвоста нет. Тогда она чуть замедлила бег, восстанавливая дыхание. Минут через двадцать показался горный ручей, впадающий в море. Она скинула на берегу обувь, плащ и, зайдя в воду, отключила артефакт, меняющий магический след. Не будь его — давно бы попалась. Плащ тоже был нужен не для красоты — он скрывал фигуру, поэтому думали, что нужно искать парня.

Дрожа от холода, Проныра выбралась на берег, сняла заплечный мешок, в котором лежали платье и тряпичная сумка. Одежду и маску спрятала в кусты, ценный свёрток сунула в

сумку, плащ — туда же, чтобы не нашли отдыхающие, слоняющиеся по всей округе. Дерзкая воровка ценных артефактов исчезла — ей на смену пришла официантка, возвращающаяся с работы. Таких было полно в их курортном городке.

Оставалось сделать только одно дело — и можно домой. Проныра выбросила плащ на помойку, затем прогулочным шагом дошла до центрального парка. Попетляв по дорожкам, она добралась до большого дуба, сунула свёрток в дупло и отправилась назад через парк, мимо спящего рынка, в старый район города.

В кармашке платья лежали клочок бумаги и огрызок карандаша. Она торопливо нацарапала: «Приглашаю на чашку кофе», загнула уголок и сунула бумажку в щель между досками старой пекарни. Утром уличный мальчишка проверит тайник и, увидев записку с загнутым уголком, срочно отнесёт хозяину антикварного магазина Якову Гольцу и даже получит за это монетку-другую.

Всё. Теперь спать.

Марк Ветров.

Засидевшись за отчётами, начальник сыщиков Янтарного уснул в своём кабинете. Снился какой-то бред про дятла. Назойливой птичкой оказался дежурный. Он стучал в дверь и кричал:

— Тер Ветров, опять этот акробат с воровскими наклонностями. Тер Ветров, вы же просили: будить в любое время. Марк Егорович, да просыпайтесь же.

Марк потёр глаза, пытаясь стереть липкую усталость, и проворчал:

— Сержик, сколько раз говорить: мы не на приёме и не на аудиенции у царя, опускай эти приставки.

Марк зашнуровал высокие ботинки, натянул форменный китель и вскочил на ноги.

— Место?

Сержик стал торопливо докладывать, выходя из кабинета вслед за начальником.

— Особняк, где остановился промышленник Толмачёв. Только что, прямо сию минутку Проныра упёр артефактик и убёг от охраны. Я, как узнал, к вам побежал, не жалея ног.

Марк выразительно поднял бровь, быстро запирая кабинет.

Дежурный смутился и стал оправдываться, с трудом поспевая за длинноногим начальником.

— Ну ладно, это я так, для красного словца. Сирена завывала, охрана побежала. Сами не догнали — он там такие кренделя выписывал по крышам, что местные кошки обзавидовались. Позвонили в полицию. Пока наряд доехал, пока охрана всё им показала...

— Понятно, — мрачно подытожил Марк, снимая сигнализацию с внедорожника и садясь за руль. Каждый раз он надеялся поймать Проныру, чья ловкость первое время приводила его в бешенство; сейчас же осталось только усталое упрямство.

Марк завёл мотор и погнал на Московскую — можно было и пешком, но так быстрее. Он поглядывал на дорогу и думал. Вор, скорее всего, местный — уж больно ловко он уходил от погони. С другой стороны, приезжий мог знать город не хуже. Уверенности не было, и это раздражало. Так что, хотя вора упустили, нужно было осмотреть место преступления.

Особняк сиял огнями, хотя было далеко за полночь. Дворецкий впустил Марка и проводил в гостиную, где мужчина в дорогом халате бегал из угла в угол и заламывал руки. Двое охранников с покаянным видом стояли тут же.

— Доброй ночи. Марк Ветров, начальник сыскного отдела. Что у вас пропало?

— Да какая же она добрая? — возмутился потерпевший. — Этот негодяй украл мою фамильную лупу, которой лет триста! Хотел показать реставратору. Вот дурак! Где была моя голова, когда брал с собой такую ценность?

Причитания пострадавшего Марка не тронули. Сколько уже таких было — не сосчитать.

— Где сейф? — деловито спросил он.

— В кабинете на втором этаже. Тер Ветров, лупа моя. Найдите её. Эти ваши, одинаковые, меня не пускают, а вдруг бы я что-нибудь важное заметил.

Марк уже не слушал. Он вышел в коридор, кивнул двум сыщикам, дежурившим у лестницы. Братьев-близнецов Диму и Валеру, он взял в отдел год назад. Они были молоды, энергичны и, в отличие от Сержика, умели работать молча.

— Осмотрите двор, — коротко бросил Марк. — И проверьте, нет ли следов за забором.

Близнецы кивнули и разошлись — каждый в свою сторону.

Марк поднялся по лестнице, мимолётно отметив, что третья ступенька скрипит. В кабинете заканчивал работу маг-криминалист. Услышав шаги, он оглянулся.

— Тер Ветров, минуточку, я заканчиваю. Никаких условий для работы: охранники стоят, хозяин рвёт на себе волосы, того и гляди ворвётся в кабинет и затопчет всё, что ещё не затоптали его громилы.

Марк привычно пропустил жалобы эксперта мимо ушей — другого в городе всё равно не было.

— Ну, докладывай.

Эксперт выпрямился и демонстративно потёр поясницу.

— На сейфе ни царапины. Такое ощущение, что вор просто взял ключи, открыл и спёр эту злосчастную лупу. Сниться она мне, наверное, будет ближайшие пару дней. Пострадавший буквально впаял в мои мозги своё сокровище.

Марк осмотрелся, побарабанил пальцами по столу.

— Андрюша, ближе к делу. Что нашёл?

— На сейфе и окне — ни следа. Отпечатков нет. Единственное — вот.

Эксперт протянул Марку прозрачный пакетик с чем-то тёмным.

— Нить. Зацепилась за подоконник. Похоже, вор вылезал через окно. Я зафиксировал, а что с этим делать, думайте сами.

Марк взял пакетик, повертел в пальцах. Обычная тёмная нить. Таких тысячи.

— Магический фон?

— А вот тут скучно, — Андрей вздохнул. — Глушилка. Чувствую, что здесь применялась магия, но какая — разобрать не могу. Вы же знаете, оборудование у нас слабое, работать некому. Я не железный, того гляди свалюсь от переутомления — ни выходных, ни отпуска.

Марк знал: оборудование в Янтарном было так себе, эксперт — один. Если бы не поток отдыхающих, и того бы не было.

Точнее, дело в ярмарке. Янтарный издавна славился своими артефактами. Поэтому сюда слеталось множество людей, а на запах денег — немало воров.

Марк задумчиво покивал своим мыслям.

— Ладно. Я сам.

В дверь робко заглянул Толмачёв.

— Тер Ветров, можете чем-нибудь обнадёжить?

Марк недовольно посмотрел на мужчину.

— Если хотите, чтобы я что-нибудь нашёл, не отвлекайте. Предупреждаю: на быстрый результат не рассчитывайте и не отпускайте охранников, я хочу с ними поговорить.

Мужчина схватился рукой за сердце. Марк скользнул взглядом по картинному жесту — симулянт. Полностью потеряв интерес к мужчине, Марк подошёл к сейфу, прикрыл глаза, про-

вёл ладонью над дверцей, не касаясь. Он не видел картинок, только ощущения — остаточные эмоции, вьёвшиеся в магический фон.

Азарт. Острый, как вспышка. Вор стоял здесь, на этом месте, и предвкушал. Марк почти слышал, как ровно бьётся его сердце.

Потом густое, тягучее удовлетворение от удачно вскрытого замка. Марк думал, что дело было в этом. Он открыл глаза и поморщился. Голова начинала ныть, а в правом виске нарастала глухая пульсация. Дар брал своё. Марк сделал усилие, выпустил тонкий поток магии внутрь себя, замораживая боль. Стало легче, но ненадолго — минут на пятнадцать, может, полчаса. Потом придётся снова тратить силы.

— Знакомая картина, — пробормотал Марк.

— Что? — Андрей обернулся.

Марк перешёл к окну.

— Ничего. Работай.

— Да я закончил. Если не нужен, то пойду спать. Происшествий много, а я один. Меня нужно беречь.

Марк кивнул и снова прикрыл глаза. Следующий слой был сложнее. Поверх удовлетворения — липкая досада болотного цвета. Реакция на сигнализацию? Возможно.

Боль накатила с новой силой. Марк сжал челюсти и выпустил ещё один обезболивающий импульс. Глупо. Он знал, что так магия кончается быстрее, а боль возвращается с новой силой, но сейчас надо было работать. Он посмотрел на тёмный прямоугольник окна.

— Скрылся любимым путём, значит.

Он забрался на подоконник и спрыгнул на землю. Второй этаж — ерунда. Дождь кончился несколько часов назад. К счастью, он не успел смыть следы.

Марк прикрыл глаза, нащупывая ускользящую нить: вдоль дома, через кусты, к дыре в заборе. Всплеск адреналина, почти восторг. Проныра бежал без паники. Похоже, заранее продумал пути отхода.

— Марк Егорович, давайте я вас проведу, чтобы вы не врезались с закрытыми глазами. А то что мне потом с вами делать? Коллеги не простят, начальника не уберёт. Начальник будет не в настроении, а значит — злой. А виноват кто? Конечно, я! Вечно крайним делают.

Марк раздражённо рявкнул:

— Сержик, чтоб тебя! Считаю, злой начальник уже есть! Ты зачем подкрадываешься? В участке заняться нечем?

— Так это... ночь, ярмарка закрыта — все приличные воры спят. А я всё равно проснулся уже, посмотреть охота. Вдруг Проныру увижу хоть одним глазком.

Марк дёрнул головой.

— Делай что хочешь, но издашь ещё хоть один звук — убью! Голова раскалывается и без твоей болтовни.

Ускользящий шлейф следа тянулся по улице до поворота.

Из темноты бесшумно вынырнули Дима и Валера. Почти одинаковые, только у одного рубашка светлее, у другого — темнее.

— Во дворе чисто, — сказал тот, что в светлой рубашке. — Ни следов, ни окурков, ни отпечатков.

— Зато за забором, — добавил его брат, — кто-то недавно ходил.

Марк кивнул.

— В сторону порта?

— Скорее к старой дороге, — ответил Валера. — Там дальше разветвление: или на рынок, или в парк.

Марк посмотрел в ту сторону, куда показывал брат, и хмыкнул. Умно, как всегда.

— Хорошо, — сказал он. — Дальше я сам.

Близнецы растворились в темноте так же бесшумно, как появились.

— Ой, тер Ветров, смотрите, лестница валяется!

Марк скрипнул зубами, но промолчал — на этот раз замечание было по делу.

Лестницей Проныра не пользовался, зато на глухой стене едва заметно мерцали пятна азарта и напряжения. Марк покачал головой: опять эти акробатические трюки. Достало всё. Отпуск нужен. Он приставил лестницу и залез на крышу — ничего интересного. Разве что... На соседнем здании что-то трепетало. Марк перепрыгнул, чтобы рассмотреть получше. За гвоздь зацепился клочок ткани. Сыщик повертел его в пальцах. Недорогая тёмная ткань. Скорее всего, от плаща. На ней — слабый отпечаток всё той же досады.

— В следующий раз будет аккуратнее, но этот шанс я использую, — пробормотал Марк, перепрыгнув обратно. Он старался не надеяться на успех, слишком часто его поджидало разочарование, но сердце билось быстрее, когда он спускался на землю.

Магии осталось на доньшке. Поспать бы и растянуть её на завтра — работу никто не отменял.

— Марк Егорович, я мог бы вам помочь? Вы скажите: куда бежать, кого ловить, куда смотреть. Я внимательный, честное слово! — затараторил уставший молчать Сержик.

— Знаешь, а мне предлагали отличную кандидатуру на твоё место. Дисциплинированный, молчаливый...

Сержик перебил, не дослушав:

— Простите, некогда мне тут с вами лясы точить, у меня там... дела.

Он торопливо скатился по лестнице и умчался в направлении полицейского участка. Марк усмехнулся, потом вернулся к следу и разочарованно вздохнул: след истончился уже настолько, что стал неразличим.

Он постоял с минуту, глядя в темноту. Третий год одно и то же. Этот ловкий паренёк стал его навязчивой идеей. Когда Марка перевели в Янтарный с повышением, он был полон амбиций. Навёл порядок в городе — насколько это вообще возможно в сезон, когда каждый второй приезжий привозит с собой кучу артефактов. Воров хватало, но Проныра выделялся среди них наглостью и виртуозным умением уходить от погони.

Сегодня впервые за три года у Марка появилась зацепка. Пустяк, но он не упустит.

Глава 2.

Ли́ра Мышки́на.

Библиотеку я открыла, как всегда, пунктуально — в восемь, хотя и хотелось выключить будильник и поваляться в кровати подольше. Не давали спать мысли о том, что пора оплатить обучение в школе для Ярика и Ли́ны. Я надеялась, что удастся что-нибудь придумать, в противном случае об этом можно было забыть. Государство у нас о сиротах заботится: есть квоты в школах для магически одаренных детей. В теории. На практике бывает, что мест не хватает.

Мне очень хотелось, чтобы дети развили дар. Тогда они смогут получше устроиться в жизни после выпуска из детского дома. Привязалась я к ним. Мне было одиннадцать, когда к порогу приюта подкинули в корзине месячных крошек. Нянчились с ними по очереди, а я — больше всех. Так что считала этих проказников своими братом и сестрой. Других родственников не знала. Я в детском доме появилась примерно так же. Воспитатели смеялись, что пищала, как мышка, потому и дали фамилию Мышкина. Имя же было вышито на одежде, в которую я была одета.

Зоя Говорухина, моя напарница, традиционно опаздывала. Она предпочитала работать в читальном зале, а не разбирать старые рукописи. Пыли в архивах не было — пылесборные артефакты работали отлично, а вот скукой, по словам Зои, был пропитан там каждый сантиметр. Лично я этого не замечала.

Вот и сегодня Зоя ворвалась ровно в восемь тридцать, швырнула сумку на стул, грохнула коробкой с пирожными о стол.

— Везёт вам, блондинкам: проснулась, умылась — и красotka, а я пока соберусь... Ли́ра, давай чай пить, пока никого нет.

— И тебе, Зоенька, доброе утро, — улыбнулась я и, налив воду, щелкнула кнопочкой — чайник зашумел.

— А да, доброе! Я под впечатлением, извини.

Зоя распаковала коробку. В ней оказалось четыре эклера, политых шоколадом — пальчики оближешь. Я такие себе редко могла позволить, а Зоя недавно вышла замуж за кулинарного мага. Теперь сама объедалась сладостями и нас с хранительницей библиотеки угощала.

Зоя налила себе чай и аккуратно положила на блюдце эклер.

— Слышала, что ночью было? — она понизила голос, хотя в библиотеке, кроме нас, всё равно никого не было. — Опять Проныра. У самого Толмачёва! Представляешь?

— Да ты что?

Я наполнила свою чашку и посмотрела на подругу.

— Говорят, сигнализация сработала, охрана погналась — и ничего. Как сквозь землю провалился. — Зоя поболтала ложечкой в чашке. — Полицию, конечно, вызвали, потом тер Ветров приехал. А что толку? Третий год уже ловят.

Я усмехнулась:

— Зойка, ты рассказываешь так, как будто сама там была.

Зоя энергично прожевала кусок пирожного.

— Ну почти. Я зашла на кухню спросить, что мне муж оставил вкусенького. Там была кухарка, а она разговаривала с Анной, которая служит не у нас, но это не важно. Так вот, её сестра ходила сегодня на рынок, а там уже всё знали. Так что источник надёжный.

Я только покачала головой.

Зоя хотела обидеться, а потом мечтательно вздохнула.

— Марк Ветров такой... Говорят, мрачный, как туча, и жутко умный. Видела как-то изда-лека. Мне ужасно нравятся загадочные мужчины, но он, кажется, вообще на женщин не смот-

рит — только о расследованиях и думает. Ему, кстати, пора бы уже выбрать невесту, а то получит по распределению неизвестно кого и будет мучиться всю жизнь.

Я подумала, что ко мне это всё равно не относится. Для скромного библиотекаря вероятность стать парой этого мужчины стремиться к нулю. Так что можно было не беспокоиться.

Вошла Вера Сергеевна — чуть запыхавшаяся, раскрасневшаяся. Она была женщиной приятной полноты и вечно с ней боролась. Сегодня, судя по решительному выражению лица, она снова начала новую жизнь.

Зоя, увидев начальницу, заулыбалась:

— Вера Сергеевна, угощайтесь.

— Девочки, привет. Чаёвничаете? А я на диете, — она заглянула в коробку и вздохнула. — Может, Семён Ильич заглянет, оставлю для него.

Зоя фыркнула:

— Семён Ильич, Семён Ильич... Вера Сергеевна, вы бы хоть раз ему прямо сказали.

— Что сказала? — всплеснула руками Вера Сергеевна. — Что я ему пирожное оставила? Так он и сам увидит.

— Нет, — хитро прищурилась Зоя, — что вы к нему равнодушны.

Вера Сергеевна залилась краской.

— Зоя! Что ты придумываешь! Просто человек хороший, с детьми возится. А мне несложно угостить чаем, у меня как раз с бергамотом есть, как он любит...

Я спрятала улыбку в чашке. Не успели мы допить чай, как на пороге появился Егор Северцев — парень лет пятнадцати из клуба юных сыщиков. Эти ребята собирались в библиотеке три раза в неделю под руководством Семёна Ильича.

Егор был коренастый, серьёзный, с вечным прищуром, как будто он уже нашёл какую-то улику и теперь проверяет, не упустили ли её остальные.

— Здравствуйте, — он кивнул и поморщился. — Душно у вас. Когда приходите, надо проветривать.

Зоя упёрла руки в боки:

— Да ты что? Без тебя бы не догадалась!

Я укоризненно взглянула на неё.

— Егорка, ты, конечно, прав, но я ногти сломаю, если полезу открывать. У нас рамы старые, тугие — кошмар просто, — примирительно добавила Зоя.

Егор перевёл взгляд на её руки и удивлённо поднял брови:

— Но ведь у вас короткие ногти, тётя Зоя.

Я, фыркнув, чуть не поперхнулась чаем. Зоя задумчиво посмотрела на свои пальцы — ногти действительно были короткие, аккуратные, покрытые розовым лаком.

— Ох уж эти мужчины, — вздохнула она. — Никакого понятия о женской красоте.

— Так моя помощь нужна или нет?

Егор уже взялся за ручку рамы и вопросительно оглянулся.

— Открывай уж, спаситель ты наш.

Он с некоторым усилием распахнул створку. В библиотеку хлынул свежий утренний воздух. Вместе с ним залетели крики чаек и запах моря. Я с наслаждением вдохнула поглубже.

— Вот так, — сказал Егор, отряхивая руки. — Свежий воздух полезен для здоровья.

— Какой ты у нас заботливый, — Зоя уже отошла от обиды и теперь хитро поглядывала на парня. — Заслужил награду. Хочешь эклер?

Она приподняла крышку коробки. Егор заглянул внутрь и с достоинством произнёс:

— Благодарю. Пожалуй, согласусь.

Он взял эклер и уже поднёс пирожное ко рту, но вдруг замер, вздохнул и посмотрел на нас.

— А ножик можно?

Я подала Егору нож. Он аккуратно разрезал эклер на три равные части. Две отложил на отдельную салфетку.

— Это девчонкам. Аня с Дашей скоро придут.

— А Пашке? — не удержавшись, поинтересовалась я.

Егор на секунду задумался, потом взял свою треть и пожал плечами:

— Обойдётся. Я угощаю только дам.

Зоя прыснула.

— Егор, ты — жадина!

— Я справедлив, — ответил он с набитым ртом. — Пашка в прошлый раз без блокнота пришёл — дома оставил. Какой же сыщик без блокнота? Ещё бы голову забыл.

— Девочки звонили. Их всё лето не будет — отправили к бабушке Даши, — вспомнила я.

Егор вздохнул и подвинул эклер нам:

— Угощайтесь. Странные люди, эти родители. Неужели они думают, что у бабушки будет лучше, чем летом на море?

Мы с Зоей переглянулись и прыснули от смеха. Даже Вера Сергеевна, которая как раз вернулась из архива с подшивкой старых газет, улыбнулась.

— Ох, молодёжь...

В это время дверь громко хлопнула и в библиотеке появился худой и вечно лохматый Пашка, а следом за ним руководитель клуба юных сыщиков, Семён Ильич Бережной. Ему было слегка за семьдесят, но маги живут лет до ста пятидесяти, так что старым он ещё не был. Высокий, подтянутый, с аккуратными усами и зонтом-тростью — он выглядел так, будто только что сошёл со страниц детективного романа. Собственно, почти так оно и было: раньше Семён Ильич служил в Особом управлении и считался одним из лучших сыщиков Янтарного. Теперь ушёл на покой и взялся обучать молодёжь.

— Доброе утро, — он окинул взглядом собравшихся.

Вера Сергеевна залилась краской и предложила:

— Семён Ильич, не хотите ли чаю? Вы же любите с бергамотом... Есть пирожное.

— Люблю, — Бережной аккуратно взял эклер и устроился в кресле. — Благодарю, голубушка.

Зоя за его спиной одобрительно подмигнула Вере Сергеевне. Та сделала вид, что не заметила.

— Итак, — Бережной обвёл взглядом клуб, — вы, я полагаю, уже в курсе ночных событий?

— Проныра! — ответили Егор и Пашка со сдержанным восторгом, который меня почти умилил.

— Именно, — кивнул он. — Учитывая, что наш неуловимый друг снова дал о себе знать, предлагаю сегодняшнее занятие начать с разбора. Итак, что нам известно о Проныре на данный момент? Факты. Теории. Предположения.

Он посмотрел на ребят. Егор выпрямился, Пашка в задумчивости достал из-за уха карандаш и стал покусывать его. Я пересела на стул в углу и приготовилась слушать. Проныру не обсуждал только ленивый. Отличались только версии происходящего. Я их коллекционировала. Мне было любопытно, какими путями идёт человеческая мысль и как рождаются слухи. Проныра — показательный пример.

Бережной обвёл ребят взглядом и остановился на Егоре.

— Северцев, начнём с тебя. Что нам известно?

Егор оживился — было видно, что он ждал этого вопроса.

— Факты. Проныра орудует в Янтарном три года. Крадёт только артефакты, причём всегда у приезжих. Местных не трогает. Работает в перчатках, следов не оставляет, хорошо знает город. Использует некий артефакт, скрывающий следы. И ещё...

Он замялся.

— Что? — подтолкнул Бережной.

— Я слышал, что сигнализация была исправна, но Проныра всё равно проник внутрь. Как будто знал, как она устроена. Семён Ильич, тут у меня факты заканчиваются, а непроверенные слухи не люблю.

Я сделала глоток чая.

— Интересное замечание, — Бережной кивнул. — Развилкин, что скажешь?

Пашка поднял голову.

— Я тут подумал... Теоретически, Проныра — маг. Мне кажется, его дар связан с замками, сигнализациями или... ну, с чем-то таким. Никто не может три года подряд вскрывать чужие сейфы без единой царапины. Вряд ли это ловкость. Это или магия, или у него есть сообщник, который сообщает коды сейфов. Наверное, всё же сообщник, потому что про такой дар я не слышал.

Егор хмыкнул:

— Сообщник? Зачем он Проныре? Он и так ловкий и удачливый, да и за три года его ни разу не видели с кем-то. Факты где, Паш?

— Теоретически, — Пашка снова покусал карандаш, — сообщник мог бы объяснить, откуда Проныра знает, у кого что красть. Кто-то должен наводить. Мастер по артефактам, например, или торговец сейфами.

Я продолжала пить остывший чай, с интересом прислушиваясь к разговору.

Бережной чуть заметно усмехнулся в усы.

— Любопытная версия, — сказал он. — Запишите. Итак, что мы имеем? Отлично знает город. Возможно, имеет наводчика, работает под заказ. Как мы можем помочь нашим коллегам из управления?

Пашка поднял руку:

— Я тут подумал... Теоретически, можно устроить засаду.

Егор скептически хмыкнул:

— Где? В каждом особняке, где живут приезжие? У нас весь город — курорт. Тут в сезон понаехавших больше, чем местных. Никаких людей не хватит.

— Зачем везде? — Пашка покрутил карандаш в пальцах. — Можно пустить слух, что у кого-то есть редкий артефакт. Такой, мимо которого Проныра не пройдёт. И ждать там.

— Неплохо, — Бережной кивнул. — И кто же согласится выставить своё сокровище в качестве приманки?

Ребята задумались. Я — тоже.

— Теоретически можно оставить подделку очень похожую на настоящий артефакт, — предложил Пашка. — Если Проныра полезет, полиция его вычислит.

— Или наоборот — поймет, что его вычислили и затаится, — возразил Егор.

— Проныра не делает глупостей, — тихо заметил Бережной. — За три года — ни одной ошибки. Если не считать...

Пашка его перебил:

— Тер Ветров что-то нашёл?

Бережной кивнул:

— Видел сегодня Марка. Удалось обнаружить небольшой клочок ткани. Немного, но уже лучше, чем обычно. Итак, предложения?

— Слух, подставной артефакт, засада, — перечислил Егор. — Мне нравится.

Я допила чай и зевнула, прикрыв рот ладошкой. Ничего нового они не придумали. Правда, клочок ткани это зацепка.

Глава 3.

Марк.

После рваного ночного сна голова была тяжелой. Опрос охраны и слуг показал, что ступеньки не скрипели, никого подозрительного в последние дни вокруг особняка не замечали. Следов Проныры на первом этаже Марк не обнаружил. Значит, точно влез через окно.

Как он узнаёт, когда хозяина не будет дома? Либо у парня есть сообщник, который сообщает о передвижениях будущей жертвы, либо он ужасно везучий.

Толмачёв решил не уезжать, пока артефакт не найдут. Марк не стал бы на это рассчитывать. В кои-то веки проснувшись дома, а не за рабочим столом, он побрился, переоделся, обновил заклинание обезболивания и отправился в участок. Опыт подсказывал, что к вечеру мигрень ослабнет, а к утру пройдет совсем.

Для разнообразия утро выдалось спокойным. Удалось выпить чай с булочкой, которая ещё даже не зачерствела. Марк отхлёбывал из кружки, невидящим взглядом уставившись в окно. В голову лезли несвоевременные мысли о том, что скоро у него появится жена. Совершенно чужая женщина со своими привычками, страхами и причудами. Нужно будет проводить с ней время хотя бы иногда, а так не хотелось. Женщинам всё время что-то нужно, что он не мог дать или не хотел, а может, просто не встретил ещё ту, ради которой захотелось бы. Сколько себя помнил, Марк смотрел на хрупких светловолосых девушек с восхищением и неизменно понимал: не та. Он не мог объяснить почему, но знал: она появится. Нужно ждать. Девушки обижались и выбирали других. Он понимал. Теперь закон требовал жениться. Марк устал ждать, поэтому положился на волю Магии — будь что будет. В два глотка допив чай, он занялся утренней рутинной. Спокойное время закончилось.

Потом в участок привели бродягу. Он был грязный, вонючий, с испуганными глазами — и в новеньком чёрном плаще, который так сильно диссонировал с лохмотьями, что не мог не вызвать вопросов.

— Говорит, на помойке нашёл, — доложил Сержик, брезгливо морща нос.

Марк осмотрел плащ. На подоле зияла дыра, к которой идеально подошёл найденный клочок ткани.

Бродяга, кряхтя и заикаясь, рассказал, что утром пришёл раньше всех, чтобы найти что-нибудь путное. Смотрит — плащ. Зачем добру пропадать?

Марк обратился к мужчине:

— Ты видел кого-нибудь рядом с помойкой? Может, слышал шаги? Или голоса?

Бродяга сначала замотал головой, а потом задумался.

— Старуха шаркала в сторону хлебной лавки. Надеюсь разжиться чем-нибудь, — наконец вспомнил он.

Марк кивнул и повернулся к Сержику:

— Позови Валеру. Пусть он поговорит со свидетелем, запишет всё, что тот вспомнит, а потом отпустит.

— Так у него дежурство после обеда начинается.

— Тогда опроси сам. И постарайся не болтать, просто запиши.

Марк ещё раз посмотрел на испуганные глаза бродяги.

— Не бойся, — сказал он. — Ты нам помог. Расскажешь всё, что вспомнишь, — и свободен.

Бродяга немного расслабился.

— А плащ?..

— Забирай, — сказал Марк. — Нам он уже не нужен.

Марк выбросил уже бесполезный клочок ткани в мусорную корзину и вышел.

Он собирался начать обходить рынок, чтобы опросить всех торговцев одеждой. И так было понятно, что плащ Проныра выбросит. Правда, сразу вырваться не удалось. Он вышел ближе к обеду.

Проныра.

Рынок в Янтарном шумел и пах специями, южными фруктами, рыбой и нагретой на солнце черепицей. Проныра шла между рядами в простом сером платье и с корзиной в руке. Обычная женщина, каких на рынке десятки.

Она уже забрала гонорар в условленном месте и спрятала в декольте. Для этого пришлось расстегнуть несколько пуговиц. Впрочем, место было безлюдное — никто не увидел.

Теперь нужно было купить новый плащ. Старый ведь она выбросила, чтобы перестраховаться. Проныра выбрала палатку попроще. Сухонький старик-торговец ткнул в стопку плащей на прилавке.

— Вот этот, — она указала на самый простой. — Почём?

— Для вас скидка десять процентов, тера. Она стала отсчитывать деньги, когда за спиной послышался знакомый голос.

— Любезный, — устало и сухо спросил мужчина, — вспомните, не покупал ли у вас сегодня плащ молодой парень, худощавый, ниже меня ростом. Или, может, приценивался кто?

Проныра не обернулась. Она опустила голову и продолжила считать монеты. За спиной стоял её ночной кошмар — главный сыщик Янтарного. Иногда снилось, что он всё-таки поймал её. Потом Проныра просыпалась и с облегчением понимала: только сон.

Иногда она видела его в городе: красивый, вечно спешащий мужчина. Проныра чуть повернулась и искоса взглянула на сыщика снизу вверх. Цвет взлохмаченных волос как нельзя лучше подходил к его прозвищу — Мрак.

Торговец покачал головой:

— Нет, тер Ветров, парней не припомню. Девушка вот плащ покупает, — он кивнул на неё.

Марк перевёл взгляд на покупательницу. Пальцы его правой руки машинально постукивали по бедру. Серое платье, бледное лицо, корзина с яйцами, тонкие пальцы.

— Скажите, тера, вы — музыкант?

Проныра на секунду замерла, потом робко опустила глаза, как и положено скромной женщине.

— Играю пару вещей, но не очень хорошо.

Он всматривался в её лицо, как будто в поисках ответа на мучивший его вопрос. Она не отвела взгляда — это было бы подозрительно. Просто стояла, сжимая корзину, и ждала, когда он уйдёт.

— Нет, — Марк отрицательно покачал головой и двинулся дальше. — Девушка не подходит. Сообщите в участок, если появится кто-то, подходящий под описание.

— Всенепременно, тер Ветров.

Проныра судорожно втянула воздух, кажется, даже не дышала под взглядом сыщика. Она забрала покупку, сильнее сжав пальцы, чтобы торговец не обратил внимание на то, что они дрожат. Не оборачиваясь Проныра пошла прочь. Если она сейчас увидит его лицо, побежит — рефлекс, и тогда всё пропало. Бегство — это признание. У сыщиков тоже есть рефлекс, вбитый годами службы: кто убегает, виноват. А если человек убегает после расспросов о воре, это неспроста.

Проныра ещё раз глубоко вдохнула, остановилась возле торговли зеленью, для виду сцепилась с ней и выторговала себе дополнительный пучок лука и петрушки.

Марк продолжал опрашивать торговцев, удаляясь в противоположную от Проныры сторону.

Она заставила себя улыбнуться, пожелать женщине хорошей торговли и с прямой спиной выйти из рынка. Только в квартале от базара получилось выдохнуть.

«Ты ходила по грани, в который раз. Нужно быть осторожнее. У тебя есть важная причина оставаться на свободе».

Уже стемнело, когда Проныра достала огрызок карандаша и клочок бумаги. Она сидела в своей каморке, на единственном стуле, и рисовала при свете тускловатого магического светильника.

Курица. Яйцо. Женщина с корзиной.

Рисовала она плохо, но узнать образы было можно. Под картинками вывела печатными буквами: «Курица снесла одно яйцо, хозяйка его забрала. Сколько яиц осталось?»

Гольц поймёт. Новых заказов пока не будет. Надо затаиться.

Она загнула уголок — срочно — и сунула записку в карман, чтобы отнести в тайник. Завтра утром Лёшка найдёт и доставит. Своей системой связи Проныра была очень довольна. Бегают уличные детишки с записками. Так и что? Играют дети. Отдают записки старому антиквару. Тоже ничего криминального — он им задаёт задачки и подбрасывает монетку-другую.

Однажды, правда, бдительная старушка пожаловалась в управление — мол, подозрительная беготня, не иначе как «шпионят чегой-то». Штат полиции в городке был небольшой, а старушка эта числилась давней головной болью их управления. Старый начальник передал Марку «по наследству» обязанность лично выезжать к Ерофеевне, чтобы она не писала в столицу «самому главному, кто точно разберётся». А она могла.

Марк приехал, проверил. Гольц спокойно продемонстрировал записки: детские загадки, каракули, солнышки, цветочки — ничего особенного.

— Одна добрая библиотекарь надоумила, — объяснил антиквар. — Она этих беспризорников грамоте учит. А я, грешным делом, решил помочь — пусть хоть монетку заработают умом, а не воровством. Вы же не против, тер Ветров?

Марк не был против. Даже проникся уважением к старику. И забыл. Какое ему дело до детских игр, если и так ни минуты свободной? Старушку успокоил — шпионы здесь ни при чём.

Лёшка.

Солнце ещё только кралось по крышам, а Лёшка уже проснулся. Как самый старший, он отправился на работу — рано утром ему доверялось подмести улицу перед овощной лавкой и пекарней. За это платили большой буханкой хлеба и пакетом овощей.

По пути он проверил тайник просто так, на удачу. Иногда там лежали записки, и это значило, что можно заработать монетку.

Везло уже второй день подряд. Он вытащил сложенный клочок бумаги с загнутым уголком.

Там была загадка и три картинки. Лёшка умел читать, тётя Лира научила, но картинки ему нравились больше. Курица. Яйцо. Тётка с корзиной. И вопрос: сколько яиц осталось?

Лёшка хмыкнул. Забрала — значит, ни одного. Ноль. Это даже ребёнку понятно.

Он сунул записку в карман и припустил к лавке дяди Якова.

Лавка «Старый янтарь».

Тер Гольц только открыл ставни своей лавки и заварил первую чашку чая с бергамотом, как дверь с грохотом отворилась и внутрь влетел запыхавшийся мальчик.

— Дядя Яков! Курица снесла одно яйцо, хозяйка его забрала. Ни одного не осталось! Ноль! Сильно простые у вас загадки.

Гольц замер с чашкой в руке, потом усмехнулся в усы.

— Ноль, говоришь? — он помолчал. — Хорошо. Молодец, Лёшка. Держи монетку.

Лёшка просиял. Гольц, не торопясь, отпил чай и спросил:

— Я тебе в прошлый раз дал две монетки, а сегодня одну. Скажи-ка, сколько будет вместе?

— Так я ж те потратил, — удивлённо протянул Лёшка. — У меня нету.

— А если бы не потратил. Это просто задача.

Лёшка нахмурился. Зачем считать то, чего нет? Но спорить не стал, а зашевелил губами, старательно загибая пальцы.

— Это было бы... три?

— Молодец. — Гольц протянул ему ещё одну монету. — Беги к своим.

— Не, я на работу! — солидно возразил Лёшка.

Он сжал монеты в кулаке и выскочил за дверь, пока дядя Яков не придумал новую задачку. Взрослые вообще странные: то загадки зачем-то рисуют, то считают то, чего нет, но монетки настоящие — это главное.

Гольц ещё раз посмотрел на записку. Курица. Яйцо. Пустая корзина.

Никаких новых заказов. Никаких лишних движений. Проныра предупреждает — значит, есть причина.

Он убрал записку в ящик стола и налил себе ещё чаю. А лупу Проныра для него добыл шикарную. Ничего не скажешь...

Ли́ра.

На следующий день я отпросилась у Веры Сергеевны и после обеда отправилась по важному делу. Городок маленький, за полчаса легко его весь пересекла. Прошла мимо храма, спустилась к морю и, следуя изгибам дороги, поднялась на холм. Здесь, на самой окраине, расположилась магическая школа. Это было добротное здание из светлого камня, с узкими окнами и флюгером в виде янтарной совы. Сегодня проводили день открытых дверей, и у входа толпились родители с детьми.

Я поднялась по ступенькам, обходя нарядных мальчиков и девочек. Простая одежда делала меня невидимкой. Серое платье, очки, старенькие туфли — вот уж точно серая мышка на фоне разряженных семейств. Впрочем, какая разница. Деньги в моём кармане были самыми настоящими.

В вестибюле пахло старыми книгами и магией — тот самый запах, который бывает, когда множество одарённых собираются в одном месте. От концентрации магии слегка покалывало кончики пальцев.

— Хочу оплатить обучение, — сказала я, подойдя к окошку казначея. — Ярик и Лина Ивановы. Первое полугодие.

Сухонький лысый казначей кивнул и зашелестел бумагами. Я выложила монеты — всё, что удалось накопить с библиотечного жалованья и редких подработок. Казначей пересчитал, проверил каждую монету и протянул мне квитанцию.

— Принято. Следующий платёж — через пять месяцев, не позднее.

Я взяла квитанцию. Эта узкая полоска бумаги была для меня очень ценной. Пять месяцев — не так уж много, но буду стараться успеть. Если подработок будет достаточно. Если не случится ничего непредвиденного.

Много условий, но я надеялась справиться. Главное, что мои названные брат и сестра могли начать учиться. И это радовало.

Я сложила квитанцию пополам и убрала в карман юбки. Можно было уходить, но захотелось задержаться у двери в учебный зал. Через стекло было видно, как дети вместе с родителями рассаживались за парты, чтобы услышать рассказ о школе. Постояла минуту, глядя на первоодков. Когда-то и я должна была сидеть здесь. Не сложилось.

Когда подросли двойняшки, дала себе слово, что сделаю всё, чтобы помочь им получить хорошее образование. Первый шаг уже был сделан.

Поправила очки и, довольная собой, вышла на улицу. Солнце припекало уже по-летнему, забыв, что на календаре ещё весна; с моря долетал прохладный ветерок, но нужно было возвращаться на работу.

Глава 4.

Ли́ра.

Вернулась я в библиотеку всего на полчаса позже конца обеденного перерыва. Вера Сергеевна встретила меня на пороге с коробкой в руках.

— А, Ли́ра, хорошо, что уже пришла. Собери сюда разряженные пылесборники. Хочу занести в лавку бытового артефактора, чтобы перезарядил. Новые возьмишь из шкафа, как обычно. И стоит поторопиться, девочки, и сегодня расставить новые поступления. Уже завтра нас начнут дёргать насчёт новенького. Вот увидите!

В читальном зале царил рабочий беспорядок: на столах громоздились стопки книг. Зоя, нацепив передник с большим карманом, забралась на стремянку, методично отцепляла шарики с каждой полки и складывала в карман.

— Ли́ра, хватай лестницу, — скомандовала Вера Сергеевна. — И не стой столбом.

Я послушно разложила вторую стремянку, нацепила такой же фартук и забралась под потолок. В коробку сложим потом. Зоя заговорщически прошептала:

— Слушай, у тебя же на той неделе день рождения. Двадцать один год! Ты так и не нашла жениха или прячешь его от нас?

Сердце ёкнуло. Я думала, ещё не скоро настанет момент, когда мне придется выйти замуж за незнакомца — дар требует стабилизации. Зоя вот подсуежилась и нашла себе мужа до этого возраста, а я — нет. Значит, получу кого назначит царская канцелярия, и какой он будет — неизвестно.

Я отрицательно покачала головой:

— Не нашла.

— Поняла, — деловито кивнула Зоя, потянувшись в дальний конец полки, — а письмо, конечно, прислали уже? Да должны были давно уже.

— Прислали, — коротко ответила я, стараясь не смотреть на неё, потому что уже знала, какой будет следующий вопрос.

— И кто? — Зоя аж подпрыгнула, чуть не рассыпав собранные шарики. — Когда свадьба?

— Не знаю кто, — как можно небрежнее пожала плечами. — Некогда было еще прочитывать его.

Зоя вытаращилась на меня.

— Ли́ра, у меня сейчас будет сердечный приступ. Ну как так можно?

— Некогда мне было, понимаешь?

Зоя возмущённо взвыла, забыв, что наша хранительница библиотеки требует соблюдать тишину.

— Вера Сергеевна, у Ли́ры свадьба на носу, а она не знает, кто её жених!

Хранительница, отложив стопку новых книг, подошла к нам.

— Может, это какой-нибудь тайный агент, — мечтательно протянула Зоя. — Они жутко все обаятельные должны быть.

— Или старый хрыч, который и ложку не удержит, — оборвала её Вера Сергеевна. — Ли́ра, голубушка, ты бы хоть узнала, что ли. В канцелярию сходила, спросила. Не дело — в храм идти, не зная, с кем брачными браслетами обменяешься.

Я смущённо потупила глаза. Вспоминала об этом, но как-то всё было не до того. Дети, работа, подработка и так по кругу. Теперь уже поздно метаться. Да и насчёт старого хрыча Вера Сергеевна загнула — пугала, наверное. По распределению сочетали браком женщин не старше двадцати одного года и мужчин не старше тридцати двух. Значит, муж мой никак не может быть старым.

— И ещё, — не унималась Зоя. — Платье у тебя есть свадебное?

— Какое платье? — я устало провела рукой по лицу. — Если б это было хотя бы по любви... А так — муж по распределению. Лишь бы дар стабилизировали и отстали.

— Всё равно надо выглядеть достойно, — вмешалась Вера Сергеевна. — Для себя. Ты же не собираешься идти в храм в своём сером платье?

— А что не так? Чистое, глаженое, — пожала я плечами.

Зоя только устало рукой махнула.

— Лира, ты безнадёжна, но я что-нибудь придумаю.

Хранительница строго посмотрела на Зою:

— Чтоб без глупостей и без декольте до пупа.

— Вера Сергеевна! У меня вообще-то есть вкус! — обиделась Зоя.

Я вспомнила, какой у неё был шикарный наряд на свадьбе, и мысленно согласилась. Другое дело, что такие гуляния я бы не устраивала, даже если бы были деньги, но тут уж кому что нравится.

Я собрала последние шарики, высыпала их в коробку и вытерла лоб. В причитаниях Зои было что-то уютное. Так бы, наверное, возмущалась сестрёнка, если бы у меня была семья, но увы...

Я отогнала грустную мысль и отправилась расставлять новые книги.

Чёрт, а правда, повезло мне с мужем или нет? Учítывая, что он не попробовал найти меня и познакомиться до свадьбы, может, и не очень. А там, кто его знает: может, он — тру-доголик и ему некогда. Куда всё-таки я положила это письмо?

Марк.

Количество бумаг на столе удваивалось с каждым днём. Сведения, собранные сыщиками на разномастных клочках и салфетках, рапорты, служебные записки, отчеты для начальства, которые нужно было отправлять хотя бы иногда. Марк бы с удовольствием испепелил эту гору взглядом, но не умел. Дальше тянуть было нельзя. Марк собирался дать задания сыщикам и разделиться наконец с рутиной.

На столе требовательно зазвонил телефон. «Только не новая кража, ну пожалуйста». На происшествия сегодня был неурожай.

— Марик! Ну наконец-то! Я уже думала, ты забыл, как выглядит телефон!

Марк с облегчением вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Здравствуй, тётя Соня.

— Здравствуй, здравствуй, дорогой! А я вот сижу, смотрю на свои фиалки. Они такие красивые в этом году, прямо как тем летом, когда ты приезжал...

— Тётя, — мягко перебил Марк, — я помню, но у меня сейчас работа...

— А что работа? Она никуда не убежит. Зря, что ли, ты с отличием закончил эту свою военную академию и на границе служил. Думаю, поседею, дорогой, пока ты вернёшься! Слава Магии, потом ты перевёлся в свой чудный приморский городок. Тишина и спокойствие.

Марк подумал, что покой ему только снится, но если сравнить с границей, то, конечно...

— А у меня новый кот появился. Шикарный такой, чёрный, как тот, что у тебя был в детстве. Помнишь, ты его всё время от сметаны отгонял?

— Помню. Сметану я и сам хотел съесть, да и жирно для кота.

— Вот! Ты всегда был такой правильный. А у соседки сын женился, так жена его кошек не любит! Назвала моего Барсика наглым котятрой и прогнала тапком от своей двери! Марк, ты представляешь? Тапком! Перепутал котик, ну с кем не бывает?

— Ужас какой, — пробормотал Марк, пряча улыбку.

— Вот именно! Так что выбирай жену внимательно. Ты, наверное, на календарь не смотришь, так я напому: тридцать два не за горами. Пора подумать о хорошей невесте.

Разговор о невесте тётя заводила с тех пор, как Марку исполнилось двадцать. Один раз он слышал, как она ругалась с его родителями по телефону и кричала, что мальчик должен сам выбирать судьбу, «а не эти ваши...».

Он не понял, что она имела в виду, но жениться не горел желанием ни тогда, ни сейчас, но раз этого не избежать...

— Я тут одну чудную девочку присмотрела. Она — ветеринар. Кексу лапку лечила...

— Тётя, не надо никаких девочек, — твёрдо сказал Марк, — я женюсь через неделю.

В трубке повисла пауза. Потом раздался не то вздох, не то всхлип.

— Что-что? Подожди, я сяду. Нельзя же так, без предупреждения. — В трубке раздался скрежет отодвигаемой табуретки. — И кто она?

— Хорошая девочка, — в голосе Марка прозвучала улыбка. — Я всё проверил, не переживай. Никакого криминала.

— Марик, ты шутишь? — слабым голосом поинтересовалась тётя.

— Я не умею шутить, забыла?

— Вот негодник! И не сказал мне ничего?! Любимый племянник, которого, считай, вырастила, женится, а я ни сном, ни духом! — бушевала в трубке тётя Софа. — Ну-ка, рассказывай. Кто она? Откуда? И главное — она моих пушистеньких любит?

— Про кошек не знаю, — честно признался Марк.

— Ладно, дорогой, если ты всё для себя решил, пусть так и будет! Я к вам в ближайшее время приеду, познакомлюсь. Посмотрим, достойна ли она списка приличных женщин!

Марк вспомнил, как в детстве, когда его только привезли к тётушке, она однажды исключила из своего списка соседку Аглаю Степановну за то, что та назвала её кота «беспородным обормотом». Тётя Соня тогда торжественно достала потрёпанную тетрадь, вычеркнула имя соседки и заявила: «Запомни, Марик, тот, кто не уважает кошек, не достоин доверия».

Марку было одиннадцать. Он тогда серьёзно кивнул, хотя больше всего на свете хотел, чтобы тётя Соня просто дала ему поесть. Он был голодный, уставший после переезда. Родители, мотавшиеся по всему свету, решили, что ребёнку нужна спокойная жизнь. В столице и школу можно было закончить хорошую, и карьеру сделать. Тогда он этого не понимал и обижался на них, а тётя всё говорила и говорила. Позже он узнал, что в этом списке было всего пять человек. Соседка Аглая — шестая, но не продержалась и года.

— Я понял, тётя Соня, — сказал Марк, возвращаясь в настоящее. — Барсик в безопасности и моя будущая жена, надеюсь, тоже.

— Смотри у меня! — пригрозила она и добавила уже мягче: — Целую, Марик. Жди в гости.

Она повесила трубку, оставив Марка с улыбкой на лице. Он покачал головой и позвонил дежурному.

— Сержик, зайди ко мне.

Глава 5.

Ли́ра.

После работы я взяла дома еду и направилась к старой купальне. Дневная жара спала, но воздух был ещё тёплым, а море — спокойным, почти зеркальным. По нему в сторону порта плыло большое судно — очередные туристы. Сейчас все сдающие комнаты бабушки столпились на причале в надежде найти постояльцев, но меня это не касалось.

Возле ветхой хибары на перевёрнутой лодке сидел Лёшка и сосредоточенно чертил палочкой на песке узоры. Маруся плела венки из ромашек. Клоп пытался поймать убегающего краба и возмущённо сопел, когда тот вновь и вновь ускользал от него.

— Тётя Ли́ра!

Маруся первой заметила меня, бросила венок и кинулась обниматься. Клоп, забыв про краба, припустил следом. Лёшка подошёл степенно, как взрослый. Я сгребла всех в одну большую кучу-малу и, постояв так минутку, занялась ужином для ребятни.

Сухие дрова с приятным треском разгорались, повеяло дымком, и скоро над костерком в крохотном котелке побулькивал взятый из дома суп. Котел побольше я наполнила водой, чтобы искупать детей.

— Дядя Яков меня сегодня опять задачками мучил, — сообщил Лёшка, подкладывая в огонь веточки и нетерпеливо поглядывая на котелок с едой. — Заставил считать, сколько было бы монет, если бы я их не потратил. А я на них пирожки купил! Зачем считать?

— Для тренировки. Иначе тебя любой обманет в два счёта.

— Ну да, — явно не поверил он.

— Вот скажи. Если ты должен заплатить семь монет, а у тебя есть только целая десятка, сколько сдачи должны дать?

Лёшка зашептал, загибая пальцы, а потом победно воскликнул:

— Три! А Маруся еще путается.

— Неправда, это ты задачи запутываешь специально, — возмутилась девочка и попыталась пристроить готовый венок мне на голову. Я присела, чтобы ей было удобнее. Клоп тут же забрался ко мне на колени. Я его обняла и погладила по спинке. Маленький, года четыре, а на вид еще меньше, ему больше всех не хватало мамы. Он её и не помнил. Прибился откуда-то к Лёше и Марусе в прошлом году да так с ними и остался. Клопом его стал звать Лёшка, потому что мелкий, имени своего не помнил. Так и привязалось.

— Тётя Ли́ра, а почему ты всегда приходишь? — в который раз спросила Маруся.

Я так же привычно ответила, поправляя венок из ромашек.

— У каждого ребёнка должен быть взрослый, который позаботится о нём. Если я не буду приходить, вы зарастёте грязью, да и стричь вас пора уже. Где твои глаза, малышка? И не видно уже.

Маруся захихикала. Лёшка хмыкнул, но уши у него слегка покраснели.

Суп подогрелся, я раздала детям ложки, лук и хлеб. Пока они ели, вода в котелке закипела. Я сняла его с огня, разбавила холодной — получилось в самый раз.

— Держите булочки, доедайте и давайте-ка мыться. Лёшка, ты первый. Иди подстригу.

— Я чистый и волосатый в самый раз!

— Ты серый. Иди.

— Какой смысл? Завтра опять буду такой же. Уши мыть не буду, так и знай.

— Ты же ходишь на работу, должен выглядеть прилично.

Он, вздохнув, подчинился. Через десять минут прилично подстриженный Лёшка, ворча себе под нос, побрёл в купальню, куда я отнесла таз. Провожая его взглядом, вдруг не удержалась и сказала:

— Хочешь открою тебе страшный секрет?

Лёшка заинтересованно обернулся.

— Я летом больше люблю мыться, чем зимой.

— Почему? — удивлённо спросила Маруся.

— Потому что летом ноги грязные. Помоешь — и сразу видно: были грязные, стали чистые — красота.

Маруся прыснула. Клоп, ничего не поняв, на всякий случай тоже захихикал. Даже Лёшка фыркнул, скрываясь в купальне:

— Ты странная, тётя Лира.

— Знаю.

Я подстригла и младших — надо сказать, натренировалась отлично, головки выходили как из парикмахерской. Вымыв детей, проследила, чтобы они хорошо вытерли головы и легли спать. Их дом вызывал у меня тревогу. Ещё было тепло, но не за горами осень с дождями и холодными ветрами. Я с беспокойством думала, как дети будут жить здесь. За прошлую зиму появились новые щели в стенах и прохудилась крыша. Родственников у них не было — мать умерла зимой, а отец уехал на заработки еще три года назад, да так и не вернулся. Детского дома ребята боялись как огня. К себе взять их пока не могла, потому что соседи на любой стук бегали жаловаться в полицию, да и готовили наш дом под снос. Второй год все ждали расселения. Если до зимы эта тягомотина не завершится, нужно было что-то придумать. Я обязательно решу эту задачу, но сейчас на повестке был более срочный вопрос — найти этот чертов конверт и узнать имя жениха. Уточнить время и дату, когда мне нужно явиться в храм, тоже стоит. На штраф за неявку на свадьбу, у меня никогда в жизни денег не хватит. Лучше уж неизвестный муж, чем такой штраф.

Дома я первым делом принялась искать конверт в своей забитой вещами комнатухе. Точно помнила, что сунула его куда-то сюда, когда влетела тогда, вся на нервах. Перерыла стол — нет. Заглянула под кровать — пусто. Даже в хлебнице проверила — ну а вдруг — только счет за коммунальные платежи и извещение о том, что наш дом скоро пойдёт под снос. Ну «скоро» — понятие относительное, а вот письмо нужно найти срочно. Послания от царской канцелярии нигде не было видно. Села на продавленный стул, сделала несколько медленных вдохов и заставила себя вспомнить тот вечер. Приходил почтальон, но так не вовремя. Я тогда спешила к детям. Лёшка прибежал обеспокоенный — у Клопа поднялась температура. Соседка подсказала адрес целителя, толкового, но подешевле, я оторвала кусок бумаги, записала и помчалась к нему. Письмо было, кажется, в жёлтом конверте. Ну куда же оно могло подеваться?!

Задумчиво обвела взглядом комнату. На стопке книг у окна? Под подушкой? На подоконнике?

Я вскочила и проверила всё по второму кругу. Ничего.

Внутри нарастала паника. Конечно, можно было бы сходить в местный филиал канцелярии, поунижаться, выпрашивая сделать повторный запрос в главный филиал, но этот вариант не пройдёт. Во-первых, чиновница, работающая там, меня за что-то невзлюбила, а во-вторых, банально не хватит времени, чтобы получить новое письмо. Завтра суббота, вторник и среда — нерабочие дни по случаю дня рождения царя Александра Николаевича. В четверг, одиннадцатого мая, мои именины, и где-то в том районе уже и должен состояться обряд.

Я опустила на четвереньки, заглянула под стол и тут же ударила головой о ножку.

— Ёлки зелёные, — прошипела я, потирая ушибленное место.

И в этот момент пропажа наконец попалась мне на глаза. Конверт валялся за ножкой стола, прижатый к плинтусу. Я вытащила его и убедилась, что именно от него в спешке отрывала бумагу, записывая адрес целителя.

Полная самых мрачных предчувствий, дрожащими пальцами вытащила листок.

«*Уважаемая тера Лира Мышкина! Напоминаем, что для сохранения права самостоятельного выбора жениха...*». Так, это уже неактуально — жениха не выбрала, время упустила. Да и не из кого мне было выбирать: юные сыщики, их немолодой учитель да старый антиквар, захаживающий, чтобы освежить в памяти описание свойств того или иного артефакта.

Я вернулась к тексту, выискивая самое важное. Вот: «*Для проведения обряда сочетания брака с...*

Прибыть в храм города Янтарного тринадцатого мая в полдень».

Мои худшие опасения сбылись: имя жениха было с краю — как раз там, где оторвана бумага. Я с досадой хлопнула себя ладонью по лбу. Только со мной такое могло случиться!

— Ну и что мне теперь с этим делать? — спросила я у пустоты.

Ответа, конечно, не последовало. Я вздохнула и отложила письмо на стол. Ладно. Имя не так важно, поменять уже ничего не получится. Главное — прийти вовремя, а там будь что будет.

Храм, суббота.

Весело насвистывая, по ступенькам, ведущим в храм, где проводили обряды бракосочетания, поднимался невысокий смуглый мужчина. В отличие от большинства собравшихся здесь пар он никого не ждал, не поздравлял — зашёл внутрь храма и обратился к администратору:

— Милая тера, только вы можете меня спасти. Куда мы можем отойти, чтобы я задал свой вопрос? Займу у вас не больше минуты.

Администратор, спасавшая молодожёнов каждую субботу — то пуговица оторвётся, то букет забудет купить жених, — понимающе кивнула на свободную комнатку, которая служила ей кабинетом.

— Пройдёмте сюда, тер, здесь будет потише.

Она пропустила мужчину вперёд и закрыла дверь.

— Я вас слушаю, — приветливо улыбнулась она.

— Меня зовут Дариан. Моя невеста обиделась на меня и заявила, что выйдет за первого встречного, даже по распределению. Я хотел бы знать, кого ей назначили. Есть ли у меня шанс её переубедить или бороться бесполезно?

Улыбка администратора чуть потускнела.

— Нам нельзя разглашать информацию.

Корсо печально посмотрел на девушку:

— Я жить без неё не могу. Ну пожалуйста.

Сердце у девушки дрогнуло:

— Ладно, говорите фамилию вашей невесты.

— Лира Мышкина.

Администратор начала листать журнал, а Дариан заглядывал ей через плечо. Увидев фамилию Мышкина, он удовлетворённо улыбнулся.

— Ничего не говорите, тера. А это вам за вашу доброту.

Корсо жестом фокусника достал из кармана пиджака упаковку счастливого печенья.

Администратор ахнула.

— Что вы! Это дорого!

Дариан улыбнулся и вышел, сказав на прощание:

— Выпейте чаю, милая тера. Не обижайте меня.

На улице, к всеобщей радости, небо затянуло облаками, и стало чуть прохладнее. «Всё правильно, — думал он, сбегаю по ступенькам. — Не зря я мотался в столицу полгода назад. Симпатичная тера из отдела распределения пар не подвела».

Корсо был уверен в силе своего обаяния, но нужно было проверить, не вмешалась ли какая-нибудь случайность. Всё шло по плану. Отлично!

Лира.

В субботу я сходила на рынок и сварила целую кастрюлю супа на следующую неделю — хватит и мне, и детям. Холодильник, хоть и старенький, у меня был, так что испортиться суп не успеет. В воскресенье решила наконец навести порядок. Мне постоянно было некогда, поэтому квартира превратилась в гибрид помойки и лавки старьевщика, разве что пахло получше.

Я взяла большой мешок и решительно стала сгребать хлам. Разобрала стол, выкинула старые счета, нашла коробку с сандаликами для Клопа, которую мне отдавала соседка. Это было очень кстати!

Шкаф с моими скудными пожитками даже самого снисходительного взгляда не выдержал. Я его освободила и стала вспоминать, куда положила отвёртку. Разобрать и выкинуть, а вещи полежат пока на кресле! И колченогую табуретку туда же.

Я так разошлась, что даже выгребла всё из кладовки, забитой вещами деда Василия, который умер полтора года назад. После выпуска из детского дома я снимала у него комнату за символическую плату — приготовить нехитрый обед и поговорить вечером. Хороший был дедушка. Перед смертью он подарил мне эту квартиру. Дом, правда, гроша ломаного не стоил — его собирались сносить. Зато взамен каждой квартире обещали дать по маленькому домику.

Наконец в коробке с канцелярией я нашла отвёртку. Наскоро пообедала, вытащила полки и стала откручивать дверцы и уголки, скрепляющие его стенки.

К вечеру прибежали дети — Лёшка принёс новую задачу, которую сам придумал («Если у Клопа было одиннадцать крабов, а у Маруси два, один сбежал, пять спрятались — сколько осталось у всех вместе?»), Маруся принесла венок из одуванчиков, Клоп бросился обниматься, но, увидев отвёртку, уставился на неё, как на лучшую игрушку. Пришлось отдать малышу.

Я покормила детей, потом мы с Лёшкой перетаскали на помойку мешки с мусором и развалившуюся мебель. Стало просторно, на кровать со стола больше не грозили свалиться книги. В общем, я устала, но результат того стоил.

Сандалики Клопу подошли. Чуть большеваты, но не сильно. Он сразу переобулся и расставаться с ними отказался наотрез.

Дала детям с собой еды на завтрак и листок с примерами. Они отправились думать, а я принялась за стирку. Справилась быстро, без аппетита поужинала и без сил свалилась на кровать. Спать.

В понедельник библиотеку осадили предсказанные Верой Сергеевной жаждущие новых книг местные жители. Все знали, что каждый год перед днём рождения царя привозят что-нибудь интересное. Я, конечно, рада, что последнее время опять в моде бумажные книги, но жить в дни ажиотажа тяжело. На этот раз нас порадовали новыми книгами Майи Грин, Эрины Дарк и других молодых писателей. Я лично не читала — мне было просто некогда, но, слышала, хвалили.

Зоя едва успевала по-старинке заполнять формуляры и кокетничать с посетителями, а я таскала стопки книг от стеллажей. Когда уже и до нас дойдут столичные новшества? Спасибо, хоть пылесборными шариками обеспечили: не приходится руками протирать каждую книжку. В столичной библиотеке давно уже сделали какую-то крутую систему. Там даже не нужно библиотекарям на каждой полке менять разрядившиеся шарики. Ладно, не будем о грустном...

День был сокращённый, предпраздничный, поэтому к обеду мы выдохнули и разбежались.

Зоя, пудря носик на ходу, спохватилась:

— Лира, а что там с женихом?

— Потом, — отмахнулась я. — Всё потом.

Напарница куда-то спешила, поэтому не стала допытываться. Чувствую, после праздников отыграется.

Вторник выдался солнечным. С моря налетал приятный ветерок, колыхал юбку, трепал волосы. Иногда мне казалось, что я рождена для полета. Мне даже снились крылья. Просыпалась я с ощущением чуда. Хотя и ярмарка в нашем городе это то, чем мне никогда не надоедало любоваться.

Она раскинулась от центральной площади до набережной: палатки с янтарём, артефактами, ремесленными диковинками, едой на любой вкус — от жареной рыбы до пряников с предсказаниями. Уличные музыканты играли заводные мелодии. В воздухе смешивались запахи: моря, цветов, фруктов, жареного теста и магии.

Я пробиралась сквозь толпу, разглядывая товары без особой цели. Здесь торговали янтарными бусами и кулонами, там — магическими светильниками, способными работать без подзарядки месяцами. Мой светильник разряжался за месяц. Да и то, я им почти не пользовалась. В большой тканевой палатке мастер показывал, как оживают вырезанные из янтаря фигурки. Незаметный щелчок пальцами: крошечный дракон бил крыльями и плевался искрами. Взрослые ахали, а дети визжали от восторга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.